

Ю. И. Семенов

О МАТЕРИНСКОМ РОДЕ И ОСЕДЛОСТИ В ПОЗДНЕМ ПАЛЕОЛИТЕ¹

Поводом для написания статьи А. М. Хазанова послужила наша работа «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому (опыт теоретического анализа)»². Именно поводом, так как А. М. Хазанов не рассматривает и не анализирует концепцию, излагаемую в нашей статье. Речь у него идет совсем о другом. И причина в том, что он неверно понял основную идею нашей работы. А. М. Хазанов усмотрел в ней «попытку Ю. И. Семенова обосновать по-новому старую гипотезу об универсальности и первичности материнско-родовой организации...» (стр. 119). Нам приписывается следующий ход доказательства: первая посылка — на ранних стадиях оседлый образ жизни неизбежно ведет к матрилинейности; вторая — археология свидетельствует, что в позднем палеолите, когда возник род, люди жили оседло. И отсюда, естественно, вытекает заключение, что первоначальный род был материнским. Позднее, в мезолите, произошел переход от оседлого существования к бродячему, что вело к установлению патрилинейности. Новизну нашего подхода А. М. Хазанов прежде всего видит в попытке привлечь для обоснования «универсальной первичности» материнского рода данные археологии.

И далее А. М. Хазанов выступает с опровержением. Он указывает, в частности, что даже полная оседлость не порождает с неизбежностью матрилинейность. «Например,— пишет он,— мотыжные земледельцы Новой Гвинеи преимущественно патрилинейны. Единственный вывод, который можно сделать на основе этнографического материала, заключается в том, что оседлость на ранних этапах развития в числе иных факторов может благоприятствовать развитию матрилинейных структур. О какой-либо детерминированности здесь говорить не приходится» (стр. 119). Однако основное внимание А. М. Хазанов уделяет доказательству того, что по всей ойкумене, исключая лишь Европу и, может быть, Сибирь, люди в верхнем палеолите вели не оседлый, а бродячий образ жизни. Собственно, этому и посвящена вся его статья. И в заключение следует вывод, что «в основе новой попытки доказать универсальную первичность материнско-родовой организации лежит методически неправильное и фактически неверное перенесение уникальных условий, сложившихся в европейской приледниковой зоне, на все остальные регионы земного шара. Если точно следовать схеме Ю. И. Семенова

¹ В связи со статьей А. М. Хазанова «Природно-хозяйственные различия в каменном веке и проблема первичности материнского рода», «Сов. этнография», 1973, № 1 (далее ссылки на работу А. М. Хазанова даются в тексте).

² «Сов. этнография», 1970, № 5 (далее ссылки на эту нашу работу даются в тексте).

ва, то картина получится обратная. Мы должны будем признать, что в большинстве регионов в связи с характерными для их насельников условиями бродячего существования род должен был бы возникнуть в патрилинейной форме, а затем, после перехода к земледелию, смениться материнским» (стр. 119).

Однако и это, и все остальные рассуждения А. М. Хазанова направлены не по адресу. Вопреки его мнению, в нашей статье вообще не предпринимается никакой попытки ни по-старому, ни по-новому обосновать универсальную первичность материнского рода. Мы считаем это положение правильным, но статья посвящена совсем другому вопросу. И может быть, А. М. Хазанову стоило бы обратить внимание на то, что в статье, в которой, по его мнению, предпринята попытка подвести фундамент из археологических фактов под тезис об универсальной первичности материнского рода, всему связанному с археологией уделено всего лишь 10 строк из 14 страниц текста. В ней вопрос о возникновении первоначального рода вообще не затронут. Он был подробно рассмотрен нами в других работах³. И ни в одной из них оседлость не фигурировала в качестве не только единственного, но даже одного из факторов, определивших материнский характер первоначального рода. Ничего даже отдаленно похожего не содержится и в рассматриваемой статье. Причину того, что род возник как материнский, а не отцовский, мы видим в факторе совершенно иного порядка, чем оседлый образ жизни⁴. И проблема, которая рассматривается в статье, состоит вовсе не в «доказательстве универсальности и первичности дуальной материнско-родовой организации с дислокальным и дисэкономичным браком», как полагает А. М. Хазанов (стр. 120). Она достаточно четко сформулирована в названии статьи — «Проблема перехода от материнского рода к отцовскому».

На наш взгляд, было бы ошибочным называть этнографическую концепцию, в основе которой лежит признание универсальной первичности материнского рода, гипотезой, как это делает А. М. Хазанов. Она в достаточной степени на большом фактическом материале обоснована в трудах этнографов моргановского направления, чтобы считаться не гипотезой, а научной теорией. В конце XIX — начале XX в. этнографами антиэволюционного направления было предпринято немало попыток опровергнуть материнско-родовую теорию. Все они оказались безуспешными. Но если доказать ошибочность положения о первичности материнского рода оказалось делом очень трудным, то объявить ее полностью опровергнутой было значительно легче. И с тех пор вот уже в течение многих десятилетий утверждение о безнадежной устарелости и ложности материнско-родовой теории переходит из одних общих трудов по этнографии, принадлежащих перу западных исследователей, в другие. Постоянное повторение привело к тому, что оно стало рассматриваться большинством зарубежных этнографов как аксиома, но это, разумеется, не сделало его истиной.

В последние годы и некоторые советские этнографы, боясь, по-видимому, упрека в отставании от развития мировой науки, некритически восприняли эту точку зрения. Они, как правило, ссылаются на то, что этнографической наукой за последние десятилетия накоплено огромное количество новых данных, которые делают настоятельно необходимым отказ от материнско-родовой теории. К сожалению, никто из них даже не попытался сделать хотя бы самый краткий обзор этих данных. А если бы кто-либо предпринял такую попытку, то убедился бы, что за последние полвека арсенал противников материнско-родовой теории не только

³ См.: Ю. И. Семенов, «Как возникло человечество», М., 1966; его же, «Проблема начального этапа родового общества», В сб. «Проблемы истории докапиталистических обществ», кн. 1, М., 1968.

⁴ Там же.

не обогатился, а, наоборот, многого лишился. Вопреки всем утверждениям фактический материал, поступивший в распоряжение этнографии в течение последних десятилетий, не только не опровергает, но подтверждает правильность основных положений материнско-родовой теории. Если, например, еще в 20-е годы Р. Лоуи категорически утверждал, что у северных атапасков рода никогда не было⁵; то к настоящему времени многие американские этнографы пришли к выводу о существовании у них в прошлом материнско-родовой организации⁶. К настоящему моменту окончательно выяснилось, что у всех тех австралийских племен, которые считались ранее полностью патрилинейными, наряду с отцовской филиацией существовала и материнская⁷. Выявлены факты, побудившие прийти к выводу, что у всех патрилинейных племен Южной Америки, включая она, ямана, алакалуф, отцовской филиации предшествовала материнская⁸. Пережитки деления на две матрилинейные фратрии открыты у некоторых групп эскимосов и папуасов⁹. Большие материнские семьи были описаны у некоторых групп хадза¹⁰. Перечень этих фактов можно было бы продолжить.

Вполне понятно, что материнско-родовая теория, как и любая научная концепция, не могла по мере накопления новых данных не столкнуться и с такими фактами, которые вступали в противоречие с теми или иными отдельными ее положениями. И это с неизбежностью предполагало отказ от устаревших положений и замену их новыми, т. е. определенную перестройку самого здания теории, ее дальнейшее развитие. Материнско-родовая теория, как и любая другая научная теория, могла оставаться истинной лишь при условии непрерывного развития и уточнения.

Рассматривая материнский род как первоначальный, исходный, а отцовский как более позднее явление, материнско-родовая теория связывала переход от первого ко второму исключительно с возникновением частной собственности и накоплением богатства в руках отдельных лиц. В полном противоречии с этим положением находится факт существования отцовского рода у аборигенов Австралии. Попытки доказать, что отцовская филиация возникла у них в результате контакта с европейцами, оказались безуспешными. В настоящее время, по-видимому, можно считать установленным, что отцовский род существовал у австралийцев еще до начала колонизаций. Не менее твердо были установлены факты существования материнской филиации в ряде раннеклассовых обществ.

В этих условиях необходимостью стал отказ от взгляда на становление частной собственности, во-первых, как на единственно возможную причину появления отцовской филиации, во-вторых, как на фактор, который всегда с необходимостью вызывает переход к отцовскому роду. И соответственно перед сторонниками материнско-родовой теории встала задача выявить как те факторы, которые обусловили раннее появление у ряда групп отцовской филиации, так и те, которые способствовали длительному сохранению у некоторых народов материнской филиации.

⁵ R. H. Lowie, *Primitive society*, N. Y., 1961, p. 150—153.

⁶ Ю. П. Аверкиева, Род и община у алгонкинов и атапасков Американского Севера, сб. «Разложение родового строя и формирование классового общества», М., 1968, стр. 126.

⁷ См. Ю. И. Семенов, Проблема исторического соотношения материнской и отцовской филиации у аборигенов Австралии, «Сов. этнография», 1971, № 6, стр. 108.

⁸ М. К. Martin, *South American foragers: a case study in cultural devolution*, «American anthropologist», 1969, vol. 71, № 2, p. 247—250.

⁹ F. E. Egan, *Typology*, «Contributions to anthropology. Bands societies», Ottawa, 1969, p. 265; H. I. Hoggbin, *Native culture of Wogeo*, «Oceania», 1935, vol. 5, № 3, p. 315.

¹⁰ J. Helm, *Stability and flexibility in Hadza residential groupings*, «Man the hunter», Chicago, 1968, p. 108—109.

Именно этим проблемам и была посвящена та наша работа, по поводу которой написана статья А. М. Хазанова.

Нами было выделено три основных варианта эволюции рода, для одного из которых характерно существование материнского рода с женским ядром (в дальнейшем для краткости мы будем писать — вариант *М*), для другого — материнского рода с мужским ядром (вариант *А*) и для третьего — раннее появление отцовского рода (вариант *П*). Различие путей, по которым пошло развитие рода у разных групп было поставлено нами в связь с различием как в образе жизни, так и в смене образов жизни. Совершенно не вдаваясь в детали, мы сослались на мнение археологов, которые характеризуют верхний палеолит как эпоху оседлого существования, а мезолит — как время господства бродячего образа жизни. Вопреки утверждению А. М. Хазанова эта схема была нами не создана, а заимствована в готовом виде из общих работ по археологии, о чем свидетельствуют и ссылки на литературу, имеющиеся в статье.

Оспаривая эту схему, А. М. Хазанов, в частности, указывает на существование в мезолите наряду с бродячим образом жизни также и оседлости (стр. 118). Это обстоятельство было особо оговорено в нашей статье. В ней специально было подчеркнуто, что преобладание в мезолите бродячего образа жизни не исключало существования оседлых групп (стр. 62). Собственно, и к археологии мы обратились исключительно лишь для обоснования той мысли, что «на протяжении значительной части истории доклассового общества сосуществовали оседлые и бродячие человеческие коллективы» (стр. 62). Вариант *М* мы связывали с преобладанием оседлого образа жизни, вариант *П* — с безраздельным господством на протяжении многих тысячелетий бродяжничества. И поэтому если бы выяснилось, что и в верхнем палеолите наряду с оседлыми группами существовали бродячие, то это не смогло бы поставить под сомнение отстаиваемую нами точку зрения.

Как мы уже указывали, оседлость не относится к числу тех факторов, которые определили материнский характер первоначального рода. Последний, по нашему мнению, с неизбежностью должен был возникнуть как материнский вне зависимости от того, вели ли данные группы людей бродячий или оседлый образ жизни. Хотя вариант *П* был, как мы полагаем, связан с господством бродячего образа жизни, однако этот последний мог привести к возникновению наряду с материнским отцовского рода только при наличии ряда условий. Прежде всего, по нашему мнению, необходимо, чтобы в данном обществе началось выделение потребительских ячеек вообще, становление парной семьи в частности. Но и после того, как началось становление парного брака, бродячий образ жизни может первоначально привести лишь к тому, что возникнут общины, состоящие из представителей двух материнских родов каждая, и ядром их станут мужские группы. И только в том случае, если полное господство бродячего образа жизни будет продолжаться еще многие тысячелетия, оно сможет привести к появлению отцовской филиации (см. стр. 63—65). Вполне понятно, что после оформления отцовского рода последующие изменения образа жизни, сами по себе взятые, включая и переход к полной оседлости, не могли привести к его исчезновению, тем более к замене материнским родом. Именно этим объясняется существование отцовского рода у папуасов Новой Гвинеи.

Таким образом, отстаиваемая нами концепция эволюции рода вовсе не связана с обязательным признанием оседлости в верхнем палеолите и бродячего образа жизни в мезолите. В ее основе лежит положение о том, что на протяжении если не всей, то во всяком случае значительной части истории родового общества одновременно существовали группы с оседлым и бродячим образом жизни. С этой точки зрения вопрос о том, была ли оседлость в верхнем палеолите всеобщим явлением, или же

наряду с оседлыми группами существовали и бродячие, не имеет принципиального значения. И то и другое его решение вполне согласуется с развиваемой в нашей статье концепцией. Даже более того, второй ответ является более предпочтительным.

Несколько иное дело вопрос о масштабах распространения бродячего образа жизни в верхнем палеолите. Если бы А. М. Хазанов оказался абсолютно прав, это заставило бы нас столкнуться с определенными трудностями. Ведь в тех регионах, в которых, по его мнению, на протяжении всего позднего палеолита и мезолита безраздельно господствовало бродяжничество, встречаются народы, развитие рода у которых должно быть отнесено к варианту М (мингайгабау, наяры).

А. М. Хазанов рассматривает положение о том, что оседлый образ жизни в верхнем палеолите ограничивался исключительно Европой и, может быть, Сибирью, как такое, в истинности которого не может быть ни малейших сомнений (стр. 118—121). Однако в действительности все обстоит далеко не так.

Прежде чем перейти к анализу фактического материала, необходимо остановиться на проблемах терминологии. Дело в том, что понятия «оседлость» и «бродяжничество» не имеют четко определенного содержания. Разные авторы вкладывают в них далеко не одинаковый смысл, с чем связаны нередко встречающиеся серьезные расхождения в характеристике образа жизни тех или иных народов. Так, например, если в одних работах категорически утверждается, что «калифорнийские индейцы не жили оседло, они меняли место жительства несколько раз в году»¹¹, то в других многие племена Калифорнии (йокутсы, помо, патвин, винтун, юроки, юки, хупа) прямо характеризуются как оседлые¹².

Во многом эти расхождения связаны с тем, что между полной оседлостью и полностью бродячим образом жизни существует масса переходных форм, которые по-разному оцениваются различными исследователями. Мало помогает и употребление терминов «полуоседлый», «полубродячий», ибо каждый из них опять-таки не имеет четко очерченного содержания. Все это побудило исследователей обратиться к разработке систематики поселений и образов жизни.

Одна из интересных классификаций поселений была предложена В. Мюллером-Вилле¹³. В основу ее была положена продолжительность обитания людей в них. Поселения, в которых люди обитают несколько дней, он предложил называть *эфемерными*, несколько недель — *временными*, несколько месяцев — *сезонными*, несколько лет — *полупостоянными*, и, наконец, такие, в которых люди живут поколениями, он назвал *постоянными*. Принцип, который был положен В. Мюллером-Вилле в основу выделения типов поселений, на наш взгляд, верен, но сама классификация нуждается в определенном уточнении.

Прежде всего, по нашему мнению, необходимо разделить все человеческие поселения на два основных типа: *стойбища*, в которых люди останавливаются на срок от одного дня до нескольких недель, и *сельбища*¹⁴, в которых люди селились на время от нескольких месяцев до сотен лет. Стойбища можно разделить на *кратковременные (краткосрочные)*, в которых люди останавливались на один или несколько дней, и *долговременные (долгосрочные)*, где они обитали по несколько недель. Среди сельбищ следует прежде всего выделить *сезонные*, в которых люди селились лишь на несколько месяцев, и *круглогодичные*, в которых люди жили в течение всего года. В свою очередь круглогодичные сельбища

¹¹ «Индейцы Америки», т. 1, М., 1959, стр. 275.

¹² W. Goldschmidt, Man's way. A preface to understanding of human society, N. Y., 1959, p. 189.

¹³ W. Müller-Wille. Arten der menschlichen Siedlung, «Abhandlungen. Raumforschung und Landesplanung», 1954, Bd. 28, № 2, S. 141—163.

¹⁴ Термин заимствован из «Толкового словаря» В. Даля, т. IV.

можно подразделить на *годовые*, в которых обитали всего лишь несколько лет, и *вековые (поколенные)*, в которых жили веками, поколение за поколением.

Выделение основных типов поселений позволяет перейти к классификации образов жизни по степени подвижности. Прежде всего следует выделить *вековую (поколенную) оседлость, или поколенно-оседлый образ жизни*. Следующая форма — *годовая оседлость, или годично-оседлый образ жизни*. При дальнейшем движении от оседлости к бродяжничеству однозначное соответствие между типами поселений и образами жизни нарушается.

Х. Ватанабе в предложенной им классификации образа жизни охотников и собирателей (в основном северных) указал на такое явление, когда сельбище обитаемо круглый год, но в определенный сезон (или сезоны) часть жителей (обычно мужчины) покидают его и проводят довольно длительное время за его пределами, занимаясь промыслом. Так, например, у айнов мужчины месяц весной и месяц осенью жили в охотничьих жилищах, находящихся на определенном расстоянии от годовых сельбищ¹⁵. В целом здесь мы имеем дело с *годовой оседлостью, сочетающейся с сезонными миграциями части населения*.

Х. Ватанабе выделил в числе других и такой образ жизни, когда люди в течение одного из сезонов года обитают постоянно на одном месте, а в течение другого — столь же постоянно на ином. В качестве примера он привел нутка, у которых существуют зимние и летние сельбища. Однако название ему, как и другим выделенным им формам, он не дал. Мы будем говорить об этой форме как о *переменной оседлости, или переменнo-оседлом образе жизни*.

Если люди один сезон живут в сельбище, а другой — в стойбищах, мы будем говорить о *сезонной оседлости, или сезонно-оседлом образе жизни*. Можно выделить две основные разновидности: *оседло-бродячий образ жизни*, когда длительность оседлого существования превышает длительность бродячего, и *бродяче-оседлый образ жизни*, когда имеет место обратное соотношение. В том случае, когда люди круглый год живут в стойбищах, мы будем говорить о *бродячем образе жизни*. Внутри последнего также можно выделить два подтипа: *передвижно-бродячий образ жизни*, когда люди живут долговременными стойбищами, и *подвижно-бродячий образ жизни*, когда единственной формой поселения являются кратковременные стойбища¹⁶.

Выделение основных типов поселений и основных образов жизни дает возможность приступить к анализу фактического материала.

Следуя за А. М. Хазановым, рассмотрим регионы в том же порядке, что и он.

Европа. «В этом регионе, — пишет А. М. Хазанов, — в верхнем палеолите превалировал оседлый образ жизни, установившийся не позднее мустье». Это положение принимается всеми исследователями, однако необходима его конкретизация и уточнение. Уже в мустье встречаются целые области, население которых вело годично-оседлый образ жизни. К ним прежде всего относится юго-западная Франция¹⁷. Однако жили круглый год на одном месте далеко не все поздние европейские неандертальцы. Для значительного числа их групп была характерна не годовая, а сезонная оседлость. Летом они бродили по тундре и жили в стойби-

¹⁵ H. Watanabe, Subsistence and ecology of northern food gatherers with special reference to the Ainu, «Man the hunter», p. 69—72.

¹⁶ Понятие «бродяжничество» мы считаем возможным применять лишь для характеристики образа жизни охотников, собирателей, рыболовов. Для характеристики подвижного образа жизни у скотоводческих народов лучше пользоваться термином «кочевничество».

¹⁷ K. Butzer, Environment and archeology. An introduction to prehistoric geography, Chicago, 1964, p. 377—378.

цах¹⁸. Подобного же рода различия существовали и в верхнем палеолите. Сельбища охотников на мамонтов Восточной Европы существовали по 7, 8, 9 и даже по 20 лет¹⁹. Что же касается охотников на олений центральной европейской тундры, то они вели сезонно-оседлый образ жизни²⁰. Не исключена для некоторых из них и переменная оседлость.

Передняя Азия. «В отличие от Европы,— пишет А. М. Хазанов,— в Передней Азии уже в верхнем палеолите существенную роль играла охота на мелких животных и собирательство. Образ жизни был более подвижным. Долговременные искусственные жилища отсутствовали. Но уже в мезолите происходит становление производящего хозяйства, и в результате население этого региона переходит к довольно прочной оседлости» (стр. 115). Никаких фактов в подтверждение своего взгляда на образ жизни верхнепалеолитических насельников Передней Азии А. М. Хазанов не приводит. Литература, на которую делается ссылка в конце цитируемого абзаца, относится лишь к последнему предложению. В ней детально рассматривается лишь возникновение производящего хозяйства. Образа жизни людей верхнего палеолита названные А. М. Хазановым авторы на указанных страницах (исключая лишь одного К. Фланнери) либо совершенно не касаются, либо затрагивают лишь попутно. Не может также помочь А. М. Хазанову и ссылка на работу Н. Н. Чебоксарова и И. А. Чебоксаровой «Народы. Расы. Культуры» (М., 1971), в которой высказывается мнение, что для населения Передней Азии в верхнем палеолите и мезолите был характерен хозяйственный тип охотников и собирателей степей и полупустынь с присущей ему большой подвижностью, ибо оно высказано в качестве предположения и не подкреплено фактами.

Если же мы обратимся к работам, посвященным мустье и верхнему палеолиту Передней Азии, то перед нами предстанет иная картина. В единственной из упоминаемых А. М. Хазановым работ, в которой определенное внимание уделяется верхнему палеолиту, указывается, что главным источником существования населения Юго-Западной Азии на протяжении многих тысячелетий позднего палеолита была охота на крупных млекопитающих. К последним относится 90% животных, остатки которых были найдены в палеолитических стоянках. Их мясо составляло 99% животной пищи их обитателей²¹.

На Переднем Востоке действительно не было обнаружено долговременных искусственных жилищ. Но мустьерские и позднепалеолитические насельники юго-западной Франции круглый год жили на одном месте, используя в качестве жилищ пещеры²². Как убедительно показывают исследования Л. и С. Бинфордов, на Ближнем Востоке еще в мустьерскую эпоху пещеры использовались в качестве сезонных сельбищ. Люди жили в них в течение значительной, а может быть, даже большей части года²³. Несомненно существование в Передней Азии пещерных сельбищ, обитаемых в течение нескольких месяцев и в позднем палеолите²⁴. И мустьерские, и верхнепалеолитические сельбища Перед-

¹⁸ К. Butzer, Указ. раб., стр. 377—388.

¹⁹ И. Г. Пидопличко, Позднепалеолитические жилища из костей мамонта на Украине, Киев, 1969, стр. 154.

²⁰ К. Butzer, Указ. раб., стр. 388—392.

²¹ K. V. Flannery, Origins and ecological effects of early domestication in Iran and the Near East, «The domestication and exploitation of plants and animals», London, 1969; F. Hole and K. V. Flannery, The prehistory of southwestern Iran: a preliminary report, «Proceedings of the Prehistoric society for 1967», n. s., vol. 33, 1968, p. 162.

²² К. Butzer, Указ. раб., стр. 377.

²³ L. R. Binford and S. R. Binford, A preliminary analysis of functional variability in the Mousterian of Levallois facies, «American anthropologist», 1966, vol. 68, № 2, pt. 2, p. 268—288.

²⁴ F. Hole and K. V. Flannery, Указ. раб., стр. 149, 162—164; G. A. Wright,

ней Азии исследователи именуют сезонными базовыми лагерями. С истощением пищевых ресурсов в окрестностях одного сезонного базового лагеря его обитатели переходили в другой базовый лагерь²⁵. Таким образом, данные археологии говорят в пользу существования на Переднем Востоке сезонной и даже переменной оседлости.

Африка южнее Сахары. В пользу положения о том, что «вплоть до неолита, а на обширных пространствах Центральной, Восточной и Южной Африки еще позднее, человеческие группы всегда вели подвижный образ жизни», А. М. Хазанов опять-таки никаких фактов не приводит, ограничиваясь ссылкой на две работы. В одной из них о подвижном образе жизни палеолитических насельников Африки южнее Сахары говорится попутно. Автор не приводит археологических данных в пользу этого положения, ограничиваясь указанием на особенности природной среды, не позволявшие, по его мнению, охотникам и собирателям вести иной образ существования²⁶.

Однако, как свидетельствуют данные этнографии, определенная степень оседлости возможна и в таких природных условиях. Можно, в частности, указать на тех же бушменов кунг области Добе, которых А. М. Хазанов приводит в качестве примера бродячих охотников и собирателей. Ссылаясь на свидетельство Р. Ли о том, что бушмены кунг в течение года меняют лагерь пять-шесть раз, А. М. Хазанов при этом совершенно упускает из виду, что, согласно сообщению того же автора, эти люди с мая по октябрь, т. е. в течение шести месяцев, жили на одном месте²⁷. Иначе говоря, образ жизни бушменов кунг, исследованных Р. Ли, нельзя охарактеризовать иначе, как сезонно-оседлый.

В другой работе, на которую ссылается А. М. Хазанов, выводы об образе жизни древних охотников и собирателей делаются на основе археологического материала. Автор ее, Дж. Кларк, считает, что в шелье-шеле Африки существовали лишь кратковременные стойбища²⁸. К концу раннего каменного века Африки начинается заселение пещер, которые, как он указывает, становятся для людей «полупостоянными домами»²⁹. Это положение он, к сожалению, не конкретизирует. Однако другие авторы считают, что стоянки с ашельским инвентарем вполне могли быть местами непрерывного обитания людей в течение двух-трех месяцев³⁰. Переходя к среднему каменному веку Африки (который примерно соответствует позднему палеолиту Европы³¹), Дж. Кларк говорит о появлении двух типов лагерей, один из которых характерен для дождливого сезона, а другой — для сухого. Лагеря первого типа он описывает как кратковременные стойбища, лагеря второго называет «более постоянными» или «полупостоянными», не уточняя вкладываемое в эти слова содержание³². Таким образом, вопреки мнению А. М. Хазанова, как этнографические, так и археологические данные не исключают существования в Африке южнее Сахары в эпоху, соответствующую верхнему палеолиту Европы, какой-то формы оседлости, скорее всего

Origins of food production in Southwestern Asia: a survey of ideas, «Current anthropology», 1971, vol. 12, № 4—5, p. 466.

²⁵ F. Hole and K. V. Flannery, Указ. раб., стр. 162—165.

²⁶ O. Davies, West Africa before Europeans, London, 1967, p. 147.

²⁷ R. B. Lee, What hunters do for the living, or, How to make out on scarce resources, «Man the hunter», в. 31—32; Kung Bushmen subsistence: an input—output analysis, «Environment and cultural behaviour», N. Y., 1969, p. 56—58.

²⁸ J. D. Clark, Human ecology during Pleistocene and later times in Africa south of the Sahara, «Current anthropology», 1960, vol. 1, № 4, p. 314—318.

²⁹ Там же, стр. 318.

³⁰ G. L. Isaac, Traces of Pleistocene hunters: an East African example, «Man the hunter», p. 258.

³¹ C. Gabel, African prehistory, «Biennial review of anthropology. 1965», Stanford, 1965, p. 44.

³² J. D. Clark, Указ. раб., стр. 319.

сезонной. И несомненным фактом является уменьшение подвижности населения Африки при переходе к среднему каменному веку.

Южная Азия. В качестве единственного доказательства того, что обитатели Южной Азии в верхнем палеолите вели бродячий образ жизни, А. М. Хазанов приводит цитату из книги С. А. Семенова «Развитие техники в каменном веке» (Л., 1968). В ней утверждается, что охотники и собиратели тропиков вынуждены вести бродячий образ жизни, так как они не могут сохранить в жару животную пищу в случае обильной добычи. Однако несомненно, что у некоторых охотников и собирателей именно Южной Азии существовали те или иные формы оседлости. Так, например, лесные андаманцы в течение большей части года, включая весь сезон дождей, жили на одном месте³³. Если не все, то по крайней мере некоторые группы веддов Цейлона вели переносно-оседлый образ жизни. В течение всего сухого сезона они жили в одном месте, с наступлением дождливого перебирались на другое. «Они,— писал о ведда один из лучших знатоков их жизни, Г. Невилл,— могут быть названы бродячими несколько не больше, чем европейцы, имеющие дом в городе и дом в сельской местности»³⁴. Важно отметить, что в жизни этих групп ведда большую роль играла охота на крупных животных³⁵.

Юго-Восточная Азия. «Обитатели этого региона,— утверждает А. М. Хазанов,— вели подвижный образ жизни и на протяжении всего палеолита, и в мезолите, когда во Вьетнаме, Лаосе, Камбодже, Малайе и Индонезии распространяется хоабиньская культура» (стр. 117). Никаких доказательств в пользу положения о том, что верхнепалеолитические жители Юго-Восточной Азии вели бродячий образ жизни, А. М. Хазанов не приводит. Отсутствуют не только факты, но и ссылки на работы. Ссылка на литературу дается лишь к следующему за приведенным выше предложению, в котором говорится, что для носителей хоабиньской культуры «собирательство играло даже большую роль, чем охота». И в указанных работах этот факт действительно подтверждается.

А. М. Хазанов обращает особое внимание на преобладание собирательства над охотой у мезолитических насельников Юго-Восточной Азии, по-видимому, потому, что считает это достаточным доказательством существования у них бродячего образа жизни. Но, не говоря уже о том, что нас в данном случае интересует не мезолит, а поздний палеолит, преобладание собирательства вовсе не предопределяет с неизбежностью подвижный образ жизни. Среди большого числа племен Калифорнии, у которых собирательство как источник пищи доминировало над остальными видами деятельности, были такие, которые вели как годично-оседлый (чимарико, синконе, номлаки), так и переменнo-оседлый (шаста, мивок, юки, майду, нисенан, восточные помо) образ жизни, но не было ни одного, которое вело бы полностью бродячий образ жизни³⁶.

Возвращаясь к вопросу об образе жизни древних охотников и собирателей Юго-Восточной Азии, нельзя не упомянуть о совсем недавно обнаруженном в джунглях о. Минданао (Филиппины) племени тасадао. Основным источником пищи для этой группы было собирательство, что ни в малейшей степени не мешало ей вести полностью оседлый образ жизни. Как утверждают сами тасадао, в тех пещерах, в которых их застали исследователи, они постоянно живут без всяких перерывов уже в течение нескольких поколений³⁷. Сезонно-оседлыми или даже перемен-

³³ A. R. Radcliffe-Brown, *The Andaman islanders*, Glencoe, 1964, p. 30—31.

³⁴ Цит. по книге: C. S. Seligman and B. Z. Seligman, *Veddas*, Cambridge, 1911, p. 81.

³⁵ Там же.

³⁶ G. P. Murdock, *Ethnographic atlas*, Pittsburgh, 1967, p. 106.

³⁷ K. MacLeish, *Stone age cavemen of Mindanao*, «National geographic», 1972, vol. 142, № 2, p. 232—245.

но-оседлыми были некоторые племена охотников и собирателей влажных тропических лесов Северного Вьетнама (рук, арем, шак, ма-лиенг)³⁸. По мнению Мак Дыонга, именно такой образ жизни вели охотники и собиратели хоабиньской культуры³⁹.

Восточная Азия. Утверждая, что на юге этого региона «и в палеолите, и в мезолите люди вели подвижный образ жизни» (стр. 117), А. М. Хазанов ссылается на две работы, в одной из которых на указанной странице вообще нет ничего относящегося к рассматриваемой проблеме, а в другой содержится то же самое положение без какого-либо обоснования⁴⁰.

Вслед за положением о подвижном образе жизни населения северной части этого региона следует ссылка на четыре работы. Лишь в одной из них утверждается, что обитатели Восточной Азии были в эпоху палеолита бродячими охотниками и собирателями. Никаких доводов в пользу этого положения не приводится, и понятно почему: книга посвящена не Восточной Азии, а Сибири. В ней этот вопрос затрагивается лишь попутно, в связи с анализом культуры осинонской верхнепалеолитической стоянки. Авторы полагают, что осиновцы были бродячими охотниками и собирателями, однако сколько-нибудь убедительного доказательства правильности этого тезиса в книге не содержится⁴¹. В трех других работах, специально посвященных Восточной Азии, о бродячем образе жизни верхнепалеолитического населения этого региона не говорится ни слова⁴².

Северная Азия. Не отрицая прямо существования оседлости в верхнем палеолите Сибири, А. М. Хазанов в то же время неоднократно пытается поставить этот факт под сомнение (стр. 118—120). Связано это прежде всего с его стремлением подчеркнуть уникальность европейского развития. На наш взгляд, ни о какой особой уникальности эволюции Европы говорить не приходится. Развитие каждого региона, а не только Европы имело свои специфические особенности, что ни в малейшей степени не исключает и общих черт, действия общих закономерностей. Во всяком случае оседлый образ жизни в верхнепалеолитической Сибири, бесспорно, имел место. По-видимому, в этом регионе, как и в Европе наряду с годично-оседлыми группами существовали и сезонно-оседлые.

Австралия. На этом континенте, который, как известно, был заселен тысячелетия спустя после перехода к позднему палеолиту, по-видимому, действительно в течение большей части, а может быть, и всей его истории преобладал бродячий образ жизни. Однако имеющиеся данные не исключают возможности существования, особенно в начальную эпоху, сезонной, а может быть, даже и переменной оседлости у части групп. Как отмечает сам А. М. Хазанов, «для наиболее ранних насельников Австралии был характерен бродячий или полубродячий образ жизни, а последующее ухудшение климатических условий могло вести лишь к увеличению подвижности отдельных групп аборигенов» (стр. 118).

³⁸ Мак Дыонг, Хозяйственно-культурный тип охотников, собирателей и рыболовов у некоторых народов Северного Вьетнама, в сб. «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 130—131.

³⁹ Там же, стр. 128.

⁴⁰ П. И. Борисковский, Древний каменный век Южной и Юго-Восточной Азии, Л., 1971, стр. 169; А. М. Решетов, Основные вопросы древнейшей истории Юго-Восточной Азии, в сб. «Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии», М., 1968, стр. 253—256.

⁴¹ «История Сибири», т. I, Л., 1968, стр. 75.

⁴² «Народы Восточной Азии» («Народы мира. Этнографические очерки»), М.—Л., 1965, стр. 48—52; W. Watson, China before the Han dynasty, London, 1961, p. 28—30; Kwang Chin Chang, The archeology of Ancient China, New Haven and London, 1963, p. 25—50 (2 ed., 1968, p. 39—65).

Подводя итоги всему сказанному выше, мы видим, что положение о бродячем образе жизни в позднем палеолите населения всех регионов земного шара, исключая лишь Европу и, может быть, Сибирь, которое А. М. Хазанов рассматривает как абсолютно истинное, в действительности им совершенно не доказано. В пользу его, если исключить Австралию, А. М. Хазанову не удалось привести никаких фактов. Это отнюдь не означает, что мы считаем доказанным существование в верхнем палеолите оседлости по всей ойкумене, исключая лишь Австралию. По нашему мнению, твердо установленным фактом можно считать, что в верхнем палеолите оседлость помимо Европы и Северной Азии существовала также и в Передней Азии, где она, по-видимому, носила сезонный или переменный характер. Что же касается всех остальных регионов, то вопрос об образе жизни их позднепалеолитических обитателей остается открытым. И всякий, кто выступает с тем или иным его решением, должен обосновать его на фактическом материале. А. М. Хазанову это сделать не удалось.

В заключение остановимся еще на одном упреке, который бросает нам А. М. Хазанов. «...Многие археологи,— пишет он,— усматривают сейчас в особенностях конструкции жилищ Европы в верхнем палеолите и в некоторых других данных доказательство наличия в это время парной семьи, а Г. П. Григорьев в этой связи уже выступал против гипотезы о дислокальном браке. С их доводами можно соглашаться или не соглашаться. Но их нельзя обходить молчанием» (стр. 120). Что же, воспользуемся представившейся возможностью высказаться по этому вопросу.

Все выводы археологов о существовании в позднем палеолите локализованной парной семьи базируются на тех данных о жилищах и поселениях данной эпохи, которыми в настоящее время располагает наука. Самые ранние из верхнепалеолитических жилищ, материалы о которых привлекаются археологами для доказательства существования парной семьи в палеолите, существовали примерно 24—25 тыс. лет назад (Павлово). Все прочие являются более поздними. Но переход к позднему палеолиту произошел, как известно, примерно 35—40 тыс. лет назад. Иначе говоря, начало позднего палеолита отделяет от появления первых памятников, свидетельствующих, по мнению археологов, о существовании парной семьи, по крайней мере 10—15 тыс. лет. Таким образом, если бы даже археологи в этом вопросе оказались совершенно правы, то и это не могло бы послужить доводом против концепции группового дислокального брака.

Согласно этой концепции, дислокальный дуально-родовой брак, возникший одновременно с материнским родом на грани раннего и позднего палеолита, в дальнейшем уступил место парному браку и парной семье. Однако вопрос о том, когда именно на смену групповому браку пришел брак парный, сторонники этой концепции всегда оставляли открытым, не исключая, в частности, возможности и того, что это могло произойти и где-то в позднем палеолите. И если бы археологам действительно удалось доказать существование парной семьи 25 тыс. лет назад, то это только позволило бы уточнить время существования дуально-родового дислокального брака.

Однако все обстоит гораздо сложнее. У археологов не только нет абсолютно никаких оснований для утверждения, что парная семья существовала в течение всего позднего палеолита, не говоря уже о раннем палеолите, но далеко не бесспорными являются доводы, приводимые в пользу существования малой семьи и в позднюю пору верхнего палеолита.

Наиболее серьезная попытка аргументировать тезис о существовании парной семьи в позднем палеолите была предпринята Г. П. Григорьевым. Поэтому именно к его работам мы и обратимся.

Среди позднепалеолитических строений одной из самых распространенных форм является круглое жилище сравнительно небольших размеров (4—6 м в диаметре) с одним очагом в центре. Что же касается более крупных жилищ, то по крайней мере часть их можно рассматривать как соединение под одной крышей нескольких таких малых жилищ. «Повторяемость одного и того же элемента — одноочажного жилища стандартных размеров, из которого комбинируются двухочажные, трехочажные и так далее (вплоть до десятиочажных) длинные жилища, легко объясняется, — пишет Г. П. Григорьев, — если допустить, что такое постоянство первичного элемента вызвано существованием социальной единицы, из которой состоит община, подобно тому как большой длинный дом состоял из одноочажных ячеек»⁴³. Такой общественной единицей, по мнению Г. П. Григорьева, была парная семья⁴⁴. Именно в ней он видит первичную социальную ячейку верхнепалеолитического общества⁴⁵.

Однако далеко не все крупные многоочажные позднепалеолитические жилища могут быть истолкованы как комбинация малых круглых жилищ. Это, видимо, и побудило Г. П. Григорьева в одной из последних его работ ввести новое понятие — «наименьшего жилого пространства». Характеризуя в ней позднепалеолитические жилища, он пишет, что «жилое пространство в любом из них подразделяется на равные участки с очагом в центре, имеющим от 3,5 до 6 м в поперечнике (цифры эти, по-видимому, все же характеризуют участок, а не очаг. — Ю. С.), которые мы предлагаем называть наименьшим жилым пространством. Любое палеолитическое жилище можно представить либо как одно такое пространство (малое круглое жилище), либо как сумму их — два, три и более, до десяти...»⁴⁶.

Все это, взятое в сопоставлении с данными этнографии, позволяет, по мнению Г. П. Григорьева, сделать только один вывод: наименьшее жилое пространство было местом обитания малой семьи. Не говоря уже о существовавших в «первобытном обществе недавнего прошлого» «представлениях об очаге как сосредоточии семейной жизни»⁴⁷, необходимо также, по его мнению, учитывать, что «только малая семья может поместиться в пределах наименьшего жилого пространства — площади радиусом 2 м вокруг очага»⁴⁸.

Однако, упоминая данные, которыми располагает этнография о жилищах доклассового общества, Г. П. Григорьев ни в одной из своих работ их не приводит. И это вполне объяснимо. Этнографические материалы находятся в явном противоречии с его утверждением, что на участке с поперечником 4—6 м (12,5—28,25 м²) может поместиться только малая семья. У эскимосов Аляски, например, в жилищах площадью 11,16 и 20,13 м² проживало по 16 человек (4—5 малых семей), в жилищах площадью 27,5 м² — 25 человек; у эскимосов Гренландии в жилище площадью 38,7 м² проживало 58 человек⁴⁹.

Таким образом, этнографические материалы не дают реальных оснований для вывода, что в каждом из круглых малых жилищ палеолита проживала одна парная семья. Не может выручить Г. П. Григорьева и ссылка на наличие в каждом из них лишь одного очага. Как свидетельствует этнография, однозначной связи между парной семьей и очагом

⁴³ Г. П. Григорьев, Верхний палеолит, в кн. «Каменный век на территории СССР», М., 1970, стр. 59.

⁴⁴ Там же.

⁴⁵ Г. П. Григорьев, Начало верхнего палеолита и происхождение Homo sapiens, Л., 1968, стр. 154.

⁴⁶ Г. П. Григорьев, Восстановление общественного строя палеолитических охотников и собирателей, в сб. «Охотники, собиратели, рыболовы», Л., 1972, стр. 12.

⁴⁷ Там же, стр. 13.

⁴⁸ Там же, стр. 12.

⁴⁹ E. M. Weyer, The Eskimos. Their environment and folkways, Hamden, 1962, p. 206.

не существует. В длинных домах гуронов один очаг приходился на две семьи, а у ирокезов иногда даже на четыре⁵⁰.

Следует сказать, что далеко не все благополучно и с введенным Г. П. Григорьевым понятием наименьшего жилого пространства. В Костенках II было, например, раскопано овальное жилище площадью 50 м². По размерам оно превышало трехочажное жилище в Пушкарях I, но в то же время в нем был лишь один очаг⁵¹. Предоставим Г. П. Григорьеву самому решать вопрос о числе заключенных в нем «наименьших жилых пространств». Бесспорно одно: в жилище такого типа обитала группа людей, по численности значительно превышавшая парную семью, и в то же время нет никаких данных, которые позволили бы предположить, что она сама состояла из малых семей.

Аргументацию, приводимую другими археологами, мы рассматривать не будем, ибо она в основном совпадает с той, что содержится в работах Г. П. Григорьева, и, на наш взгляд, столь же неубедительна⁵². Мы считаем, что археологам вопреки всем их заявлениям не удалось доказать существования парной семьи даже в позднем периоде верхнего палеолита, не говоря уже о его начальном этапе. Но это не означает, что, с нашей точки зрения, отсутствие парной семьи в позднем палеолите можно считать твердо установленным. Отнюдь нет. Мы не только допускаем, но даже считаем весьма вероятным, что смена группового брака парным произошла именно в эту эпоху и, может быть, даже спустя всего лишь несколько тысячелетий после ее начала. Однако имеющиеся археологические материалы не позволяют дать сколько-нибудь определенного решения вопроса о времени появления парного брака и парной семьи.

И в самом конце ответим еще на одно, самое последнее, замечание А. М. Хазанова. «Наконец,— пишет он,— остается необъясненным, как совместить дислокальный брак с подвижным образом жизни, характерным в верхнем палеолите для большинства человечества» (стр. 121—122). Как нами уже было показано, тезис о бродячем образе жизни большинства человечества в верхнем палеолите не имеет под собой фактической основы. Но вряд ли могут быть сомнения, что в верхнем палеолите наряду с оседлыми существовали человеческие группы, которые вели бродячий образ жизни. Это прежде всего относится к Австралии. И на вопрос о том, каким образом бродячий образ жизни мог сочетаться с дислокальным браком, отвечают материалы этнографии и фольклористики, часть которых уже была приведена в наших работах. Мы имеем в виду и легенды об амазонках, и обычаи, подобные улатиле и катаяуси меланезийцев островов Тробриан, куонанде и аваиро папуасов гор Новой Гвиней, дзамалаг аборигенов Арихемленда, и многое другое⁵³. Из огромного множества данных приведем лишь один пример, относящийся к австралийцам. В мифах аранда (арунта) рассказывается о том, что в эпоху альчера существовали самостоятельные мужские и женские группы, между которыми время от времени происходили встречи⁵⁴.

⁵⁰ E. Tooker, An ethnography of Huron Indians, 1615—1649, Washington, 1964, p. 40; B. H. Quinn, Iroquois, «Cooperation and competition among primitive peoples», N. Y. and London, 1937, p. 256.

⁵¹ П. И. Борисковский, Очерки по палеолиту бассейна Дона, «Материалы и исследования по археологии СССР», № 121, М.—Л., 1963, стр. 24.

⁵² См.: С. Н. Бибииков, Некоторые аспекты палеоэкономического моделирования палеолита, «Сов. археология», 1969, № 4; И. Г. Шовкопляс, Исследование Добрянцевской стоянки и некоторые вопросы социальной организации в позднепалеолитическую эпоху, «Тезисы докладов, посвященных итогам полевых исследований в 1970 г. в СССР (археологическая секция)», Тбилиси, 1971, и др.

⁵³ См.: Ю. И. Семенов, Проблема начального этапа родового общества, стр. 214—221; P. Brown, H. C. Brookfield, Chimbu land and society, «Oceania», 1959, vol. 30, № 1, p. 51—53; R. F. Salisbury, From stone to steel, Melbourne, 1962, p. 33—36, 113; R. M. Berndt, Ceremonial exchange in Western Arnhemland, «Southwestern journal of anthropology», 1951, vol. 7, № 2, p. 160—162.

⁵⁴ T. G. Strehlow, Aranda traditions, Melbourne, 1947, p. 92.

ON THE MATRILINEAL CLAN AND THE SEDENTARY WAY OF LIFE IN THE LATE PALAEOLITHIC PERIOD

The article is a reply to that by A. M. Khazanov («Sovietskaya Etnografia», 1973, № 1). Despite A. M. Khazanov's assertion to the contrary, the author has never regarded a sedentary way of life as the only factor, or even as one of the factors of matrilineality in the early clan. Hence, even were it to be proven that a wandering way of life had predominated in many regions in the late Palaeolithic, this would not in the slightest degree weaken the basic principles of the matrilineal clan theory.

A classification is proposed for settlement patterns (transitory and permanent camps, seasonal, year-long and century-long villages) and one for ways of life (mobile-wandering, itinerant-wandering, seasonally sedentary, periodically sedentary, yearly sedentary, generation-wise sedentary). The author shows that the concept of a wandering way of life having been led by the population of every region of the globe excepting only Europe and Northern Asia, which A. M. Khazanov holds to be absolutely true, has actually no foundation in fact.

A seasonally or even periodically sedentary way of life indubitably existed in Western Asia. As for Southern, South-Eastern and Eastern Asia and Africa south of the Sahara, the way of life of their inhabitants remains a moot question.

In conclusion, an analysis is given of arguments adduced by archaeologists in favour of the existence of the nuclear family in the upper Palaeolithic period. The author comes to the conclusion that this proposition cannot be regarded as proved, although the existence of the nuclear family in the late upper Palaeolithic appears exceedingly probable.